

Природою», в якому вони перебували десятки і сотні тисяч років. Виявилося, що Природа зовсім не цінує це і може вбити всіх у будь-який момент. Тож єдиний вихід для людей – створити власну, штучну природу – Технологічну культуру.

До того всі люди жили як дикуни, тобто не робили запасів продуктів, використовуючи не всі відомі та доступні їм ресурси, а лише «найсмачніші». І лише за несприятливих умов вони бували змушені переходити на такі «менш смачні» ресурси – або мігрувати в інші землі. Але того часу виявилося, що катастрофа глобальна і нікуди втекти, і навіть «несмачної» їжі просто немає. Майже всі вимерли.

Вижила лише купка людей із запасами їжі. Або, можливо, вони навчилися це робити вже під час катастрофічного голоду – наприклад, ловити та зберігати рибу. У будь-якому випадку загальним уроком для їхніх нащадків стало бажання вдосконалювати технології: полювання з луком та стрілами, рибальство, будівництво човнів, капітальні оселі та храми, сільське господарство, скотарство ... Інакше ми ще й досі жили б у шалашах та печерах – «в гармонії з Природою» – доки б природа не знищила нас вже остаточно.

ПАНКОВ Г. Д., д. филол. н., професор

Харьковская государственная академия культуры

Харьков, Украина

САКРАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ ДУХОВНОГО ТРАВМИРОВАНИЯ В ХРИСТИАНСКОМ ДИСКУРСЕ

1. В поставленной проблеме актуализируется антропология травмы и травмированного субъекта как специальная область философско-антропологического знания. Бытие человека прослеживается в самых разнообразных проявлениях, среди которых обнаруживается духовная травма вместе с фигурой травмированного субъекта. Эта фигура позиционируется в двух основных модификациях – в качестве реального индивида и культурного образа, отражающего жизненные реалии. Культурный образ травмированного субъекта конституируется дискурсивными формациями, наделяющими его определенными смыслами в соотнесенности с определенными жизненными ситуациями. В данной публикации объектом изучения выдвигается осмысление

духовной травмы и фигуры травмированного индивида в христианской мысли, формирующей соответствующие образы и концептуальные модели.

Осмысление травмы предусматривает уяснение мотивирующих ее факторов, а вместе с этим и бытие травмированного субъекта. В указанном отношении целесообразно выделить две мотивирующие группы – эмпирическо-экзистентную и духовно-экзистенциальную мотивации. В первом случае мотивом служит неудовлетворенность отстранением человека от заурядных эмпирических благ – лишение желаемой власти, материальных благ, социального престижа. Во втором случае подходящей для него мотивацией выглядит осознание персоналистического кризиса, который состоит в духовной деградации и обезличивании человека. В данной ситуации глубоко переживается постигший человека духовный позор как жизненная катастрофа.

Ключевым смыслом всей религиозной культуры, посредством которого конституируется и воспринимается любое ее значение, служит значение сакрального (священное). Под сакральным подразумевается аксиологическое пространство, относящееся к божественным манифестациям (теофаниям). В указанной связи сакральная мотивация легко обнаруживается в религиозных текстах, провозглашаемых божественным словом, в котором людям сообщена божественная воля. Разумеется, что для христианской традиции сакральная мотивация всевозможных человеческих поступков содержится в Библии и воспроизводится в семиотической практике христианства.

2. Библейская этика осуждает грех. Он рассматривается преступлением перед Богом, которое заключается в нарушении Его воли. Значение греха указывает на аморальный образ жизни человека, недостойный христианина. Согласно семиотике, грех выглядит знаком-индексом, выделяющим фигуру грешника через указание на нее. Данная семиотическая конструкция нацелена к тому, чтобы грешник обратил серьезное внимание на свое недостойное состояние и занялся духовной практикой окультуривания себя самого. В Послании апостола Павла к римлянам содержится утверждение о смертной участи грешников, жизнь которых основывается на плотских помышлениях (Рим. 8:6). Чтобы ее избежать, грешнику необходимо принять Дух Христов и жить под Его водительством (Рим. 8:9-15). В данном случае смерть выступает значением, которое придает смысловую силу идее пагубности греха. Грех и смерть как его неизбежное последствие создают ситуацию угрозы, которую призван осознать грешник. В сакральном библейском слове их значение выглядит побудительным мотивом радикальной перестройки сознания

«плотских» людей. Но достаточно ли наличия данного обстоятельства, чтобы вызвать у них состояние духовной травмы?

3. Для того, чтобы в реальности состоялся травмированный субъект, необходимо, чтобы он осознавал это свое состояние не только в форме уразумения, но и глубокого переживания. С указанной целью используются разнообразные поэтические эффекты, позволяющие вызвать в сознании индивида сильное потрясение. Такие эффекты содержатся не в мыслительных, но в ярких образных конструкциях, наполненных экспрессиями. Эти конструкции обнаруживаются в молитвах, агиографической литературе, в художественном кинематографе, где фигурируют образы кающихся грешников, остро переживающих собственное травмированное состояние.

Яркий пример личности, глубоко переживающей травму на протяжении трех десятков лет своей жизни, демонстрируется в фильме А. Дунгина «Остров». Интенсивный характер переживания приобретенной отцом Анатолием (артист Петр Мамонов) травмы выражено следующими его словами: «Грехи жгут, душу сожгли». Основной предмет его душевных переживаний составляет вопрос: каким образом душа, отягощенная тяжким грехом убийства, предстанет перед судом Бога? Божественный суд как финальная перспектива представляет собой разновидность сакральной мотивации духовного травмирования личности, поскольку пробуждает в ней напряженное беспокойство за собственную судьбу. Поэтический способ подачи данной мысли в художественном фильме позволяет ее усвоить зрителю не через доказывание, но методом показывания как образной демонстрации назидательного дискурса.

4. Предельная острота данного акта отчетливо обнаруживается в Великом покаянном каноне Андрея Критского, в котором встречаются выражения: «я окаянный грешник», «мой грех ведет меня к погибели» и другие, которые сосредоточиваются вокруг значения греха. Оба этих выражения служат назиданием, предлагающим изменить направленность местоимения с первого лица на второе лицо: «ты окаянный грешник», «твой грех приведет тебя к погибели». Погибель грешника ожидается от карающего божественного огня, а напоминанием такой кары служит библейская картина уничтожения Содома и Гоморры. Аналогия гибели в прошлом грешников обоих городов с будущей гибелью каждого грешника в адском огне должно возбудить в его сознании травму как встречу с чуждым событием. В данном случае травмирование выглядит напоминанием о пагубном последствии греха. Оно способно вызвать состояние тревоги, в которой осознается угроза небытия. Переживание тревоги

за свою судьбу представляет собой травмирующее событие, охватывающего экзистенцию в полноте ее бытия.

Другим проявлением экзистенциального травмирования служит острое переживание человеком своего духовного позора. В Покаянном каноне его острота представлена картиной плача и слезного сокрушения. Грешник лежит нагим и осознает свой позор. Его взору предстает «садовая красота», по сравнению с которой он облачен в разорванную одежду. «Садовая красота» символизирует собой божественный идеал, реализовать который призван человек. В сознании грешника происходит процесс соотнесенности идеала божественной красоты с реальной порочной жизнью, а осознание их предельной рассогласованности повлекло последствием переживание позора за выбранный образ жизни. В таком случае сакральным мотиватором духовной травмы служит идеал, побуждающий человека критически осознать глубокий разрыв между должествованием перед Богом и состоянием недостойной жизни.

5. Напоминание о божественном идеале духовной красоты совместно с адским огнем актуализирует осознание греха как источника травмы. Грех осознается чуждым событием для личности, сознание которой уже не может ужиться с ним. Возникает стремление вытеснить грех из жизни человека как аномального для нее явления. Это стремление способно достичь уровня травмирующего стремления, а пробуждается оно путем апелляции к библейским сюжетам, составляющим сакральное пространство Библии. Эти сюжеты уместно сгруппировать в два противоположных ряда – негативный и позитивный сюжетный ряд.

В рассматриваемом каноне ряд негативных экземпляров составляет сюжет прародительского греха Адама и Евы, убийства Каином своего брата Авеля, два города Содом и Гоморра, недостойное поведение в пустыни Израила после его исхода из египетского рабства. Указанные сюжеты использованы для формирования ситуации негативной идентичности. Так, например, грешники уподобляются «окаянной душе» Каина, неразумным евреям в пустыни, которые употребляли нечистую пищу. Напротив, к позитивному ряду ценностных мотиваторов в Библии относится Лот, с которым идентифицируется фигура праведника, покинувшего греховное сообщество и этим избежавшего божественную кару. Автор Канона открыто призывает подражать «праведным боголюбивым деяниям» и избегать «лукавых грехов».

6. Сакральные приемы мотивации духовной травмы вовсе не сводятся к тому, чтобы высветить в человеческом сознании следы совершенных грехов и вызвать ситуацию психологического и экзистенциального травмирования.

Такое травмирование рассматривается существенным условием для отворачивания от греха и обращения грешника к Богу в раскаянии. Ведущей сакральной мотивацией этому служит идеал святости, прославляющий личность, достигшую блаженного состояния, пройдя опыт травмы.

Таким образом, в сакральном смысловом поле значение травмы возвышается с точки зрения опыта духовного восхождения личности к идеалу. В осмыслении духовной травмы прослеживаются две стороны – разрушительная и созидательная. Разрушительная сторона призвана разрушить привычное осознание индивидуальной жизни как жизни-в-грехе и через осознание духовной катастрофы осуществить трансцендирование к идеалу. В приведенной ситуации травмированный субъект выглядит трансцендирующей личностью в христианском ее понимании. Ценность духовной травмы обуславливается ценностью трансцендирующей личности. Поэтому рассмотренную систему мотивации травмы целесообразно оценивать персоналистическим мотивирующим механизмом, возвышающего человека над эмпирическими ценностями в направлении духовного образа жизни.

ТОЛСТОВ І.В., к. філос. н., доцент,

СМОЛЯНОВ М.С., студент групи 131-АКІТ-Д20

Український державний університет залізничного транспорту

Харків, Україна

КОНЦЕПЦІЯ ЛЕГІТИМНОГО ПАНУВАННЯ М. ВЕБЕРА

Рациональна рефлексія легітимності політики – одне з основних завдань соціальної філософії, в рамках вирішення якого з'являються теорії, що розкривають сутність та основну конструкцію легітимності політичної влади. Така рефлексія має велике значення для сучасного українського суспільства, оскільки легітимація політики потребує широкої участі громадян.

Прослідкувати розвиток філософських засад політичного буття можна у представників різних напрямків сучасної філософії, наприклад: у К.Поппера, Г.Альберта, Е.Гуссерля, П.Бергера, М.Гайдеггера, Т.Парсонса, Е. Гіденса. Всі вище згадані представники в своїх теоріях використовують напрацювання класичної концепції легітимації М. Вебера, в якій розглядаються визначення понять «легітимність» та «легітимація», та змістовний аналіз типів легітимного панування.